

А.В.Варламов

Об авторстве рукописи «История мексиканской авантюры советского правительства в 1919 году»

Цель данной статьи — установить авторство рукописи «История мексиканской авантюры советского правительства в 1919 году», хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации. Эта рукопись считается весьма важным источником по истории установления дипломатических отношений Советской России с Мексикой и деятельности Коминтерна в Америке.

С момента ввода этого документа в научный оборот в конце 1990-х годов его авторство по умолчанию приписывали царскому консулу в Мехико Владимиру Богдановичу Вендхаузену-Розенбергу, записавшему всю историю со слов прибывшего из России мексиканца Хорхе де Вильярдо; при этом точная датировка рукописи не проводилась. Проведенные автором исследования, включая графологическую экспертизу, позволили однозначно установить, что рукопись создана Георгием Владимировичем Цебриковым, участвовавшим в данной операции под именем Хорхе де Вильярдо. Произведена также датировка документа на основании сопоставления содержащейся в нем информации с данными о его поступлении в Русский зарубежный исторический архив в Праге. В результате стало возможным ограничить даты завершения документа периодом между 19 ноября и 4 декабря 1924 г. Это позволяет по-новому оценить как достоверность сведений, изложенных в рукописи, которой в 2024 г. исполняется 100 лет, так и ее место в ряду источников по истории российско-мексиканских отношений.

Ключевые слова: Россия, Мексика, советско-мексиканские отношения, дипломатия, Коминтерн, «миссия Бородина».

DOI: 10.31857/S0044748X24120032

Статья поступила в редакцию 14.05.2024.

В конце 1990-х годов в научный оборот введен документ, существенно дополнивший историю российско-мексиканских отношений в период их становления при советской власти [1, 2]. Это — хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) рукопись с приложениями на 44 листах «История мексиканской авантюры Советского правительства в 1919 году», оформленная как «Донесение Российского консула в

Андрей Викторович Варламов — заместитель начальника Управления пресс-службы и информации Президента РФ (РФ, Москва, Старая площадь, 10/4с1, varlan01@gmail.com, ORCID: 0009-0004-0881-2529).

Мехико» и подписанная «Ю.В.Ц.» [3]. В тексте рукописи содержится ряд важных деталей, проливающих свет на подоплеку установления дипломатических отношений между двумя государствами, а также на осуществление так называемой миссии Бородина в Мексике, которая неоднократно становилась предметом научного исследования как российских, так и зарубежных авторов, в частности, Л.С.Хейфеца и В.Л.Хейфеца [4; 5; 6], Т.Дрэйпера [7], Р.Ортис Перальта [8], Д.Спенсер [9].

Упомянутый выше документ по умолчанию считался донесением царского консула в Мехико барона Владимира Богдановича Вендхаузена-Розенберга, выполнявшего эти функции с 1907 г. и, по сути, возглавлявшего диппредставительство после отъезда из страны посланника Александра Станиславовича Сталевского в 1914 г. Так, в изданном в 2022 г. сборнике «Формирование мексиканского коммунистического движения в 1919—1921 гг.: документы по истории коммунистического движения в Мексике», обобщившем дипломатические документы того периода, прямо указывается, что «автор этого любопытного документа, который именует себя «рос-сийским консулом в Мексике», — барон Владимир Вендхаузен-Розенберг, который был таковым до 1923 года» [10, р. 127].

«Содержание документа — изложение приключений Хорхе де Вильярдо, написанное на русском, список событий и его мнение обо всем деле, полученное “консулом” Вендхаузенем из первых рук, — Вендхаузен служил в более не существующем консульстве России в Мексике, оставшемся с царских времен — он и пересказал слова де Вильярдо... Документ находится в так называемой Пражской Коллекции среди документов белой эмиграции в Государственном архиве Российской Федерации. Возможно, он был отправлен из Мексики в Европу Вендхаузенем или кем-то приближенным к царскому консульству и прибыл в СССР после Второй мировой войны. Поэтому он не был помещен в архив Коминтерна» [10, р. 127]. В предисловии к изданию содержится также оговорка, что «обращение с этим документом требует осторожности из-за возможных искажений автором, поскольку очевидны предрассудки экс-консула по отношению к большевистскому режиму и правительству Обрегона, обусловленные сильным давлением на Вильярдо со стороны советских служащих, а далее также “Бородина” в разные моменты этой операции» [10, р. 88].

Однако проведенные автором представленного ниже исследования и обнаруженные новые данные позволяют сделать иной вывод об авторстве рукописи, что, как представляется, может несколько скорректировать научное отношение к описанным в ней событиям. По нашему мнению, данное письменное изложение выполнено Георгием Владимировичем Цебриковым (1900 — после 1965 г.), выступавшим в то время под псевдонимом Хорхе де Вильярдо, что, помимо ряда установленных фактов из его биографии, подтверждается графологической экспертизой.

ПОЯВЛЕНИЕ ВИЛЬЯРДО

После Октябрьской революции 1917 г. молодое советское правительство остро нуждалось в международном признании. В этом направлении

активно работал не только Наркомат иностранных дел, но и основатели только еще создававшегося в 1919 г. Коминтерна, главной целью которого была мировая пролетарская революция.

Согласно версии, описанной в рассматриваемом документе, в январе 1919 г. в почетном консульстве Мексики, Испании и Португалии, располагавшемся в доме Бауэра в Фуркасовском переулке в Москве, появляется молодой человек 20 лет, назвавшийся Хорхе де Вильярдо. Он объявляет себя единственным мексиканцем, проживающим в Москве, «сыном дона Венустиано де Вильярдо, мексиканского инженера, женатого на русской и скончавшегося в 1900 году», и сообщает о своем желании уехать на историческую родину. Через берлинское посольство Мексики он быстро заручается письменным признанием гражданства со стороны мексиканского правительства и назначается управляющим делами консульства. Вильярдо активно включается в создание в апреле 1919 г. русско-мексиканской торговой палаты «РуссМекс» и получает предложение Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) сопроводить представителя Советской России Михаила Марковича Грузенберга в Мехико для установления торговых связей.

Согласно адресной и справочной книге «Вся Москва» за 1890—1917 гг. (находится в открытом доступе) в Москве ни одного жителя с подобной фамилией (рассматривались варианты Виллиардо, Виллардо, Вилардо, Вильярдо) не проживало. Не сохранилось и упоминаний о каком-либо мексиканском инженере, работавшем в этот период в России. Однако сам по себе этот факт еще не означает, что такого человека не могло существовать.

Обратило на себя внимание, что в ряде документов полное имя Хорхе де Вильярдо написано *Jorge de Villardo de Cebrico* [10, р. 88]. Это наводит на мысль, что у «единственного мексиканца» могла быть вторая, русская фамилия, начинавшаяся с Цебрико- или Себрико по матери. В Москве в рассматриваемый период проживала единственная семья Цебриковых [11, р. 1347] — приват-доцент МГУ Владимир Михайлович Цебриков, его супруга, Лидия Владимировна (урожденная Яковлева) и их сын Юрий 1900 г. рождения. В 1919 г. они эмигрировали, причем родители осели в Бельгии, а Юрий отбыл через Европу в Мексику, где не только получил юридическое образование, но с конца 1922 г. выполнял консульские функции [12, р. 205].

Приведенный выше факт частично подтверждается информацией, размещенной на сайте Российского совета по международным делам (учрежден, в том числе МИД РФ и РАН): «2 ноября 1922 г. глава Совещания послов М.Н.Гирс направил С.А.Угету письмо, в котором попросил принять все возможные меры для оповещения правительства Мексики о том, что В.Б.Вендхаузен не считается русским консулом в Мексике. До октября 1923 г. российским консульством в Мехико управлял В.Г.Виллардо-Цабриков» [13]. Никаких иных упоминаний о человеке именно с такими инициалами и фамилией в привязке к Мексике не нашлось, поэтому мы сочли возможным допустить, что инициалы перепутаны местами, в фамилии допущена опечатка, а речь явно идет о человеке, который в мексиканских источниках именуется Х. де Вильярдо Себрико.

К сожалению, в приведенной информации РСМД нет ссылки на архивные данные письма Гирса. Однако именно оно упоминается в самой рукописи, где говорится, что глава Совещания послов 2 ноября 1922 г. утвердил назначение автора, то есть «Ю.В.Ц.», консулом (см. главу ниже). Кроме того, в части, касающейся полномочий Вендхаузена, сведения подтверждаются дипломатической перепиской между Москвой и Мехико именно в этот период. В ответ на ноту замнаркома иностранных дел Максима Максимовича Литвинова от 14 марта 1923 г. о лишении Вендхаузена консульских полномочий глава МИД Мексики Альберто Пани 25 марта сообщает, что временное разрешение на осуществление этих функций было отозвано правительством еще 15 августа 1922 г. [14, pp. 13-14]. То есть Гирс как глава Совещания послов своим письмом от 2 ноября зафиксировал эту ситуацию и потребовал от финансового агента в США Угета принять соответствующие меры еще до реакции советского руководства.

При этом, согласно данным, предоставленным автору данной статьи бельгийским исследователем русской эмиграции профессором Лёвенского университета В.Куденисом, в архиепископском архиве Малина (Бельгия), хранится недатированное письмо 1922 г., в котором сообщается, что «*Georges Villardo-Tzébrikoff* 22 лет... уехал с родителями из России в июле 1919 г., работал в Мексике, где заменил бывшего русского консула (неофициально), и что хочет учиться в Бельгии». Однако Вильярдо-Цебриков, по данным Кудениса, пробыл в Мексике лишь до конца 1922 или начала 1923 г., а затем эмигрировал в Бельгию для учебы в университете Лёвена и остальное время прожил в Европе. Последнее признается и авторами кратких биографий Вильярдо-Цебрикова [12, pp. 205-206].

ДАТИРОВКА РУКОПИСИ

В неподписанной приписке к донесению, выполненной тем же почерком уже после подписи «Ю.В.Ц.», говорится: «Все вышеуказанные факты абсолютно достоверны. Даны российским консулом в Мексике, назначенным по инициативе г. С.А.Угета, Российского финансового агента в Соед. Штатах, заместителя Российского Посла г. Бахметьева. Назначение санкционировано старшиной русского дипломатического корпуса г. Гирсом в Париже 2 ноября 1922 г. Российское консульство в Мехико перестало существовать 13 октября 1923 г. ввиду большевистской ориентации правительства». В это время в Берлине начались советско-мексиканские переговоры об установлении дипотношений. [15, pp. 437, 443, 493].

Исходя из предлагаемого российскими и мексиканскими исследователями варианта авторства рукописи, кадровый дипломат Вендхаузен-Розенберг в качестве консула мог написать ее лишь до момента снятия с него полномочий. Можно допустить, что он проигнорировал решение Гирса, Угета и Бахметьева о назначении нового консула. Однако мексиканское правительство официально уведомило советское руководство, что с 15 августа 1922 г. не признает за ним каких-либо консульских функций [14, p.14].

Барон Вендхаузен после 1923 г. остался в Мексике и сыграл определенную роль в жизни русского сообщества в этой стране: «...уже к 1920-м гг. одним из факторов, способствовавших возможности русских устроиться, было наличие в городе Мехико небольшой русской колонии, группировавшейся вокруг бывшего генерального русского консула в этом городе Владимира Вендхаузена-Розенберга... В начале 1920-х годов он помогал русским эмигрантам остаться в этой стране, хотя и, вероятно, не совсем бескорыстно, что и приводило к его конфликтам с некоторыми беженцами. Позднее русская колония группировалась вокруг салона баронессы Вендхаузен» [16].

Г.В.Цебриков, 1923 г. Фото предоставлено В.Куденисом

Первый полпред СССР Станислав Станиславович Пестковский прибыл в Мексику 30 октября 1924 г. [17]. Одним из направлений его работы стало прекращение неофициальной деятельности царских дипломатов, тем более что архивы консульства у Вендхаузена отобраны не были. «В начале 1925 г. Пестковский потребовал от Вендхаузена-Розенберга вернуть все архивы советскому полпредству. Вначале тот ответил отказом. Тогда полпред обратился за содействием к местной полиции, которая по согласованию с Министерством иностранных дел Мексики задержала Вендхаузена-Розенберга. Как писала газета *Demócrata*, “арест бывшего консула бывшей Российской империи произвел большое впечатление в Мексике”. Одновременно был арестован некий Наумов-Песчанский по подозрению в присвоении себе звания секретаря русского консульства. Спустя несколько дней не на шутку перепуганный Вендхаузен-Розенберг передал Пестковскому весь архив царского консульства в Мексике» [18]. То есть с 1925 г. архив консульства находился в распоряжении советского полпреда, следовательно, он вряд ли мог бы оказаться в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА) в Праге, где собраны преимущественно документы эмиграции.

Если все же допустить, что «консульское донесение», записанное Вендхаузенем со слов мексиканца Вильярдо, было направлено до 1925 г. по дипломатическим каналам, то на документе должны были бы сохраниться письменные следы ознакомления. Однако кроме штампа «Русского заграничного исторического архива» в Праге (на лицевой странице) на листах рукописи нет ни одной служебной пометки.

Обращает на себя внимание и тот факт, что «консульское донесение» написано «Ю.В.Ц.» никак не раньше 19 ноября 1924 г., поскольку в нем упоминаются события, произошедшие до этой даты: прибытие в Мехико

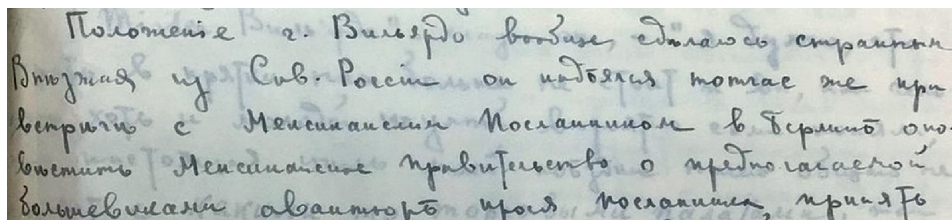
советского полпреда «Полянского» (так в тексте), а это произошло 31 октября, и первого посла Мексики в СССР Басилио Вадильо, который вручил верительные грамоты Председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин 19 ноября [14]. То есть документ может быть датирован самое раннее концом ноября 1924 г. Но в это время ни Вендхаузен со слов «мексиканского коллеги», ни сам Вильярдо-Цебриков, которого уже не было в Мехико как минимум полтора года, не могли бы написать такое донесение в качестве русского консула. Это подтвердило и исследование истории поступления рукописи в Пражский архив, проведенное автором в ГАРФ. Рукопись удалось проследить по штампу РЗИА, на котором указан номер — В-73 3088 [19]. Документ был принят архивом 4 декабря 1924 г. от его агента в Брюсселе (где в это время уже находился Г.В.Цебриков) Михаила Нечаева. Владелец предоставил рукопись на бесплатной основе (хотя в тот период архив еще располагал скромными средствами для покупки) «на условии неопубликования до 1949 г. (на 25 лет)».

Тогда же архивист составил следующую аннотацию: «В этой рукописи описывается попытка большевиков путем фиктивного мексиканского консульства в Москве (во главе с б. прис. пов. В.Л.Блидиным) развить международную пропаганду. Для этого будто бы воспользовались единственным тогда в России мексиканцем доном Хорхе до Вильярдо, который и был втянут в историю обмана. Г.Вильярдо сначала должен был вывести за границу некоего М.М.Грузенберга, приехавшего будто бы с американской миссией Буллита. Впоследствии г. Вильярдо сов. Правительством были даны новые задания — ввести за границу трех агитаторов. Это он выполнил, но в Германии раскрыл эту махинацию берлинскому Мин. Иностранных дел. Впоследствии был консулом в Женеве, Барселоне и др., где развивал широкую политическую деятельность. Со слов г. Вильярдо будто бы и составлен настоящий рассказ. Что тут правда, трудно сказать, но к рукописи приложены: вырезки из мексиканских газет с приложением портрета Грузенберга, 2) Удостоверение г. Франке от мексиканского консула Бауэра в том, что он состоит секретарем консульства с 1 декабря 1917 г. и 3) мексиканский паспорт на имя *M-me la Secretarie Mathilde de Villardo, nee Firrer*, жены г. Вильярдо, по словам рукописи, напечатанный в типографии Наркоминдела в Москве. Рукопись написана на одной стороне листа с надписью “Совершенно доверительно”» [19].

Отметим, что неизвестный архивист сразу весьма аккуратно, но очень точно определил степень доверия к этому документу, даже не подозревая о том, кто реально его написал.

АВТОРСТВО РУКОПИСИ

В ходе исследования биографии Г.В.Цебрикова мы собрали несколько рукописных документов за его авторством, подлинность которых не вызывает сомнений. Сравнение их с оригиналом «консульского донесения» привело к предположению, что они были написаны одним человеком. Это подтвердило графологическое исследование, выполненное ООО «Единый центр экспертизы» № 602/22 от 20 января 2023 г., которое выявило в них совпадения и по общим признакам, и по предусмотренным протоколом

Фрагмент рукописи. 1924 г.

экспертизы частным признакам, в частности, таким, как степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка, структура движений по их траектории и еще семь параметров.

Для сравнения с фрагментом копии рукописи экспертам предоставлялись копии стихотворения, написанного Цебриковым в 1917 г. [20], а также его писем Виктору Яковлевичу Ирецкому 1925 г. [21] и Николаю Александровичу Бердяеву 1936 г. [22] (оба подписаны) без указания на личность автора. «При оценке результатов сравнительного исследования установлено, что совпадающие признаки Объекта 1 (оригинал рукописи) и образцов почерка, представленных в качестве сравнительных, образуют совокупность признаков для вывода о том, что Объект 1 и образцы почерка, представленные в качестве сравнительных, вероятно, выполнены одним лицом. Наличие различающихся частных признаков объясняется вариационностью почерка. Вероятность вывода обусловлена исследованием копии документов». Эта оговорка сделана потому, что, в отличие от оригиналов, по которым можно также установить силу нажима и точный размер букв, эксперты имели дело только с изображением почерка, однако в данном случае этим фактором, как представляется, можно пренебречь в силу многих совпадающих особенностей почерка.

Вышеизложенное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автором «Истории мексиканской авантюры советского правительства в 1919 году», подписанной «Ю.В.Ц.», является Георгий (Юрий) Владимирович Цебриков, он же Хорхе де Вильярдо Себрико. А значит, описал он от лица стороннего автора собственные приключения, что автоматически вызывает определенные сомнения в достоверности изложенного.

ЧТО ЖЕ В РУКОПИСИ ПРАВДА?

Сразу следует сделать оговорку, что факты — даты и места событий, включая адреса, действующих лиц, названия организаций, изложенные Цебриковым в этом произведении, которое он сам в тексте именует «очерком», — реальны и подтверждаются разными источниками. Как и сам план Коминтерна по созданию отделений в Латинской Америке в 1919 г. То есть, несмотря на частично литературный характер рукописи, особенно проявляющийся в исполненных драматизма диалогах, действительно может рассматриваться как подлинный исторический источник, созданный непосредственным участником описанных событий.

В тексте даже при первом прочтении обращает на себя внимание постоянный акцент на героизацию мексиканца Вильярдо: он проникателен,

предприимчив и кристально честен, при этом изначально настроен анти-большевистски. Вильярдо словно сразу вникает в тайный замысел большевиков по установлению контакта с Мексикой и поначалу даже использует это в собственных интересах (давно искал пути выезда из России), якобы поддавшись на уловку замнаркома иностранных дел Льва Михайловича Карахана. При этом заранее планирует в итоге разоблачить планы КИ, хотя и соглашается оставить «в заложниках» невесту — т.е. подразумевает возвращение в Москву.

Согласно описанным событиям, доставив Грузенберга в Европу, Вильярдо тут же сообщает о подлинной цели их поездки временному поверенному в делах Мексики в Германии Леопольдо Ортису Либиху в надежде на скорый арест Грузенберга. Однако Ортис проявляет исключительную лояльность к «соотечественникам», ставя им визы в паспорта, исполненные типографией НКВД.

В разговоре Грузенберг (в изложении Цебрикова) называет мексиканского дипломата «дураком большевистских убеждений», пожелавшим «нажиться» на идее создания «РуссМекса», и сообщает, что именно он дал распоряжение Ортису, который вскоре направится в Мехико, готовить почву для их приезда. То есть фактически Грузенберг объявляет мексиканского поверенного соучастником этой операции, если принять за правду утверждение Цебрикова, что сам он ранее предупредил Ортиса о реальной цели их миссии.

Из текста следует, что, получив в июне 1919 г. в Берлине «от знакомого немца» письмо родственников об аресте невесты и разгроме мексиканского почетного консульства в Москве, Вильярдо 1 июля 1919 г. возвращается в Москву, где поневоле становится фигурантом второго акта «мексиканской авантюры». Сам факт якобы случайного, но очень своевременного получения важного послания из Москвы участником секретной поездки, непредсказуемо оказавшимся в Берлине проездом, — уже на грани необычного и маловероятного стечения обстоятельств.

В Москве же в день приезда, 1 июля, Цебрикова якобы арестовывает Московская чрезвычайная комиссия (МЧК) (он делает особый акцент на том, что не ВЧК), сажает в подвал Лубянки. А 5 июля в здании НКВД Карахан ставит ультиматум: в обмен на жизнь и свободу семьи провезти по поддельным паспортам до Берлина еще троих попутчиков и «какие-то подозрительные чемоданы», о содержимом которых Вильярдо ничего не известно. Попутчики или «спецтуристы», как их тогда называли на служебном жаргоне Коминтерна, в рукописи названы почти верно: «Фёдоров-Запряднев-Андерсен, некий бывший анархист, называющий себя масоном», Иосиф Левин, «секретарь Литвинова», Нина Манаева, «сестра жены Карахана, живущей в Швейцарии».

Под странной тройной фамилией скрывается Владимир Иванович Федоров-Забрежнев (1877—1939 гг.) [23], анархист, агент царской разведки, а впоследствии — видный деятель Коминтерна, НКВД, НКВД и даже директор Эрмитажа (1929—1930 гг.), поклонник оккультных наук, один из инициаторов экспедиции НКВД в Шамбалу и заместитель директора Института мозга. Есть и упоминания о том, что в 1919 г. он «выполнял тайные задания Ленина», в частности, переправил в Германию по указанию Караха-

на девять бриллиантов, в том числе два по 12, 17 карата каждый, в чемодане с двойным дном, после чего отсидел там в тюрьме, откуда был выпущен стараниями своего бывшего шефа — главы царской разведки графа Александра Георгиевича Канкринина, который в то время поддерживал контакты с большевиками [24].

«Иосиф Левин» — это, скорее всего, Илья Давыдович Левин (Эльвин), в 1919 — секретарь известного советского дипломата, будущего наркома иностранных дел, а на описываемый момент — члена коллегии НКВД, участника советско-американских торговых переговоров Максима Максимовича Литвинова. Сотрудник Коминтерна [25], в 1930—1940-х годах — автор пропагандистских атеистических и антифашистских книг и брошюр, впоследствии — сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы [26].

Нина Ефремовна Манаева — супруга Левина, сестра бывшей жены Карахана Клавдии (после развода в 1919 г. Карахан отправил ее в полпредство в Швейцарию с сыном Михаилом) [27].

В отличие от первой фазы — отправки Грузенберга в Мексику, на которую Вильярдо-Цебриков согласился якобы добровольно, — 5 июля 1919 г. решение об участии во втором этапе «мексиканской авантюры» Цебриков уже принимает, по собственному выражению, «совершенно случайно», под жестким нажимом Карахана. После этого всей семье Цебрикова — отцу и матери, а также невесте Марии Фиррер — выдаются разрешение НКВД на выезд и мексиканские паспорта, и уже 7 июля все они вместе со «специалистами» отправляются в Европу.

Однако это не вполне соотносится с информацией, содержащейся в приложенном к рукописи «мексиканском загранпаспорте», по которому выехала в составе этой группы Мария Фиррер под именем «Матильда де Вильярдо». Паспорт выдан 4 июля 1919 г., т.е. в то время, когда Юрий, по его утверждению, находился в подвале МЧК и еще не получил ультиматум Карахана. А в документе уже стоят две подписи Вильярдо — как секретаря мексиканского и советника португальского консульств в Москве, обе датированы также 4 июля. Заверен паспорт Василием Львовичем Блидиным, который, получается, не мог не знать о том, что документ — поддельный. И уже 5 июля поставлены выездные штампы НКВД и подпись Карахана. Дальнейшая география этой поездки, о маршруте которой в рукописи не упоминается, прослеживается по служебным пометкам германской и швейцарской погранслужб в том же документе, из которого, кстати, предумышленно вырвана фотография Марии Фиррер. По датам с «консульским донесением» все сходится.

Большие сомнения вызывает и утверждение Вильярдо-Цебрикова, что он не знал о содержимом «подозрительных чемоданов» своих попутчиков. В секретном отчете члена коллегии и управляющего делами НКВД Бориса Ильича Канторовича члену Исполкома Коминтерна Иосифу Ароновичу Пятницкому, который отвечал за нелегальную работу, датированном 1922 г., приводится инвентарная опись бриллиантов, переданных 5 июля 1919 г. в чемоданах с двойным дном трем лицам: Левину — 11 штук общим весом 53,35 карат (505 тыс. руб.) для Англии, Забрежневу — 9 штук общим весом 32,65 карат (300 тыс. руб.) для Франции и

«товарищу Цебрикову» — 4 штуки общим весом 19,65 карат (201 тыс. руб.) для Голландии [28, р. 600].

Значит сокровища, спрятанные в двойном дне чемодана, были официально переданы не мексиканскому дипломату Вильярдо, а «товарищу Цебрикову». То есть Карахан и его сотрудники прекрасно знали подлинную личность своего курьера. Очевидно, что и «товарищ Цебриков» был в курсе содержимого собственного багажа, согласно подписи в ведомости. Вот только выданы ему бриллианты были, согласно документу, для Голландии, где планировалось разместить бюро Коминтерна, но до этой страны он так и не добрался. Однако, судя опять же по изложенным в «консульском донесении» фактам, драгоценные камни были своевременно переданы Левиным и Забрежневым немецким членам Союза Спартака (*Spartakusbund*). Поэтому германской полиции, арестовавшей всю троицу по донесению Вильярдо-Цебрикова, достались лишь пропагандистская литература и безумный план по убийству французского президента Жоржа Клемансо, который якобы должен был исполнить Забрежнев. Это не грозило в Германии ни одному «спецтуристу» смертной казнью и привело лишь к недолгому пребыванию в тюрьме Моабит перед выдворением в Россию. Нину Манаеву, как первую «расколовшуюся» на допросе, немцы отпустили, и она уехала в Швейцарию. Обращает на себя внимание также то, что арестованные, по всей видимости, не сообщили немецкой полиции о фальшивых паспортах Цебрикова и его семьи, хотя не будь он их коллегой по выполнению специального задания, выгораживать предателя у них не было никакого резона.

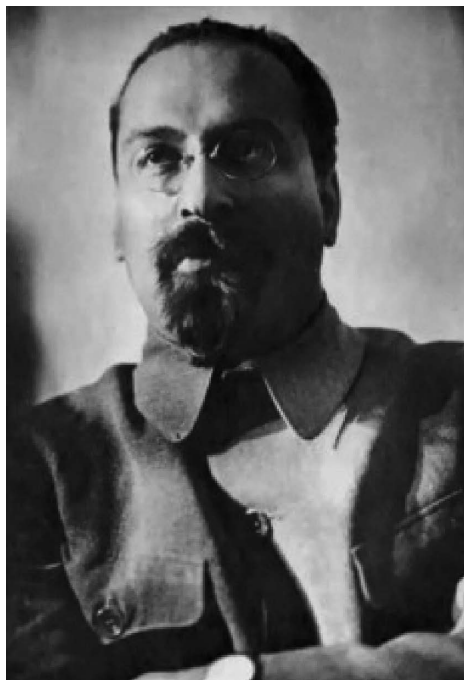
Свою роль в описанном выше эпизоде Вильярдо-Цебриков описывает исключительно в антибольшевистском ключе, сообщая, что по прибытии в Берлин лично донес старшему дипломатическому лицу Мексики о группе большевиков с фальшивыми паспортами и таинственными чемоданами, что и повлекло за собой их арест. Таковым на тот момент оказался представитель Мексики при Национальном собрании Веймарской республики, а в недавнем прошлом — военный атташе и советник посольства полковник Арнольдо Крумм-Геллер, член ордена розенкрейцеров, оккультист, работавший на немецкую и мексиканскую разведки [29, pp. 39-42].

В результате этой истории Вильярдо-Цебриков смог легализоваться как мексиканец через посольство Мексики в Берлине и получил назначение в консульство в Женеве. В этом новом качестве он впервые в 1920 г. письменно официально изложил историю о поездке с чемоданами бриллиантов почти в такой же версии, как и впоследствии в рукописи, причем сделал это по просьбе все того же Л.Ортиса Либиха [30, pp. 231-234]. Правда, в этом документе, хранящемся в архиве МИД Мексики, Вильярдо-Цебриков называет только двух попутчиков — Левина и Забрежнева как обладателей поддельных паспортов. Ни о Манаевой, ни о своей семье и невесте «мексиканец» не упоминает. Ортис же, аннотируя этот письменный доклад Вильярдо в депеше, адресованной МИД Мексики, называет автора мексиканцем, рожденным в штате Сонора, и отмечает, что испанским языком он владеет слабо.

Свидетелем, способным подтвердить его показания по «делу чемоданов», Цебриков неожиданно называет «архиепископа Михаила, который был послом Сербии в Москве». Однако о. Михаил (Милан Урошевич),

Василий Львович Блидин

Лев Михайлович Карахан

епископ сербской православной церкви, с 1906 г. был главой сербского подворья в Москве, в январе 1919 г. вернулся на родину, где служил администратором Шабацкой епархии [31]. Так что он никак не мог бы засвидетельствовать информацию о более поздних событиях, описанных Цебриковым. Зато знали о них двое других людей, непосредственно связанных с Сербией. Один — Илия Милкич, серб, участник встречи по передаче Цебрикову и Грузенбергу валюты и царских рублей для первой поездки в офисе секретаря Коминтерна Анжелики Исааковны Балабановой. Милкич, революционер-подпольщик, провел много лет в эмиграции во Франции и Швейцарии. С 1918 г. он был сотрудником дипмиссии РСФСР в Швейцарии, а в 1919 г. приехал в Москву, где возглавил Совет сербских рабочих и красноармейцев, а также ЦК Югославянской группы РКП(б), разместившихся в январе 1919 г. в здании сербского подворья [32 р. 158]. Но он — «разовый», скорее, случайный персонаж в этой операции.

А вот Василий Львович Блидин с конца XIX в. был активно вовлечен и в деятельность сербской общины в Москве, и в российско-мексиканские отношения. Присяжный поверенный и действительный статский советник, он к 1917 г. уже трижды состоял старостой сербского подворья и прекрасно знал всех значимых представителей этой национальной общины [33, р. 199]. При этом как минимум с 1909 г. являлся юрисконсультom мексиканского консульства [34, р. 149]. Именно В.Л.Блидин, выполняя обязанности почетного консула, получил от Карахана предложение организовать «РуссМекс», поскольку был с ним, по словам Цебрикова, в дружеских отношениях. Цебриков неоднократно упоминает в рукописи о Блидине, причем неизменно в довольно уничижительном ключе, выставляя его жулико-

ватым торгашом еврейского происхождения, просящим замолвить слово в Мехико, чтобы уехать из России. В последний раз — в связи со своим окончательным отъездом из Москвы, сообщая, что «болтуна» Блидина после этого арестовали чекисты.

В то же время Блидин оказал определенное содействие в формировании первого и единственного состава «РуссМекса». Телеграмма в мексиканский МИД о заседании российской секции этой самопровозглашенной торговой палаты подписана именно им. В ней Блидин всячески рекомендует «советника Вильярдо» для поездки в Мехико, ссылаясь на собственную занятость [10, р. 98].

Сам по себе план создания торговой организации в изложении Блидина выглядит в духе времени вполне авантюрно: «Имея согласие основных коммерческих и производственных сил и самых крупных капиталистов и с поддержкой правительства (каким бы оно ни было в России) имею честь проинформировать Ваше превосходительство о моем намерении организовать торговую палату под названием “Русско-мексиканская торговая палата” для морской транспортировки без дополнительных пошлин мексиканских товаров в один из российских портов как с атлантического берега, так и со стороны Тихого океана, для чего при необходимости могу заручиться поддержкой всего добровольного торгового флота России» [10, р. 92].

Понятно, что даже собрание потенциальных учредителей такого проекта, не говоря уже о попытке его реализовать, не могло в то время остаться незамеченным НКВД и ЧК, тем более что состоялось оно как раз под боком у обоих ведомств в доме Бауэра в Фуркасовском переулке. Очень похоже, что именно эти ведомства и приложили руку к переписке с Мехико за подписью Блидина, готовя тем самым дипломатическую почву под поездку Грузенберга.

Для полноты картины заметим, что в состав «РуссМекса», целью которого было налаживание двусторонних экономических связей, входил «профессор металлургии Вальдемар де Цебрико» — явно отец господина Вильярдо, Владимир Михайлович Цебриков, имевший отношение к народолюбцам и состоявший под надзором царской охраны приват-доцент МГУ, минералог и палеонтолог, который ни в каких экономических делах замечен не был [35, р. 43]. Всего же из 13 участников учредительной встречи «РуссМекса» как минимум четверо не имели никакого отношения к торговле или промышленности, являясь, скорее всего, знакомыми Блидина. Например, библиофил и владелец московской извозчицкой компании Александр Кузьмич Ечкин — тоже бывший церковный староста сербского подворья.

Но были и реальные участники хозяйственной деятельности: московский нефтеторговец Сергей Биркган, шелкопромышленник Алексей Гельцке (сотрудник мексиканского консульства), директор крупной мануфактуры Николай Штекер, директор цементного завода Станислав Паутынский [10 р. 96]. Однако приписанные им в дипломатическом послании из Москвы сферы деятельности, в которых они якобы могут оказать содействие российско-мексиканским отношениям, не вполне отвечают их реальным возможностям. Так, Паутынский назван в депеше сахарозаводчиком, Ечкин — книгоиздателем, а Биркган — нефтепромышленником.

В общем складывается вполне определенное впечатление, что идея создания «РуссМекса» больше напоминает удачно выставленную «дымовую завесу» над операцией по проникновению Коминтерна в Мексику. И эта «завеса», следует признать, сработала.

РОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНЦА

А почему вдруг на горизонте таких серьезных организаций, как НКВД и нарождавшийся Коминтерн, появился в 1919 г. 19-летний студент Юрий Цебриков, до той поры не замеченный в симпатиях к Мексике? В поисках ответа автор опирался частично на семейный архив, а также на данные, любезно предоставленные историком рода Яковлевых (девичья фамилия матери Юрия Цебрикова) Ириной Михайловной Яковлевой.

Юрий с детства отличался способностью к иностранным языкам и в целом имел склонность к авантурным приключениям. По сведениям И.М.Яковлевой, основанным на дневниках Михаила Константиновича Поливанова (1930—1992 гг., сын свояка матери Юрия, Лидии Владимировны), молодой человек после единственной поездки на Кавказ в подростковом возрасте так проникся романтикой жизни в этом горном краю, что решил стать грузином — самостоятельно выучил картли, ходил в черкеске и даже вступил в грузинское культурное общество в Москве.

В гимназическом альбоме Николая Васильевича Зеленина (семейный архив) — одноклассника Цебрикова — сохранились стихи и рассказы 1916—1917 гг., подписанные «Георгием Цеберекидзе (Азнауриешвили)», а также карандашный шарж их одноклассника — будущего художника Леонида Исааковича Фрешкопа, на котором Цебриков изображен в образе джигита. В юношеских произведениях Цебрикова фигурирует образ «Грузии родной»; эти произведения, помимо вполне понятной «возрастной» темы неразделенной любви, пронизаны духом ожидания революционных перемен.

Иллюстрацию способности Цебрикова выдавать себя за другого находим и в воспоминаниях Николая Николаевича Захарова-Мэнского «Как поэты вышли на улицу» [36]. Н.Н.Захаров-Мэнский описывает состоявшееся в начале февраля 1918 г. в Москве состязание молодых поэтов на «Кубок кафе поэтов», в котором «приз — “серебряный кубок” — случайно получил поэт “португалец” Юрий Вилиардо, затмивший нас рядом горячих и красочных стихотворений, посвященных солнцу». Следы неизвестного «Вилиардо» нашлись в РГАЛИ, где хранятся машинописные переводы на испанский стихотворений Игоря Северянина 1908—1912 гг., выполненные, как следует из подписи, переводчиком «Вильярдо» [37].

В 1918 г., по выражению Поливанова, Цебриков «нашел покровителей в Наркоминделе, где оценили его способности: по их поручению, он в кратчайший срок выучил испанский язык и говорил, как требовалось, с мексиканским акцентом». Более того, он выступал в роли мексиканца, в том числе на официальных мероприятиях. Скорее всего, речь о заседании «РуссМекса», где, согласно рассматриваемой рукописи, Вильярдо делал доклад о Мексике, и, возможно, о встрече с А.И.Балабановой.

Упоминается также, что Цебриков выполнял в то время еще и функции дипкурьера*, связанные с заграничными поездками. Их маршруты в те годы практически повторяли путь, которым он в 1919 г. проедет трижды — с Грузенбергом, затем обратно в Москву, а потом — с чемоданами бриллиантов в Берлин. В 1919 г., как указано в дневниковых записях, именно по заданию НКВД Цебриков был направлен в длительную командировку в Мексику, вместе с ним выехали его родители и невеста. Факт его отъезда подтверждается и письмом друга по гимназии Николая Ивановича Рыжова однокласснику, копией которого располагает автор [20]. То есть среди родственников Цебриковых история приобщения Юрия к работе на НКВД была известна, причем во вполне лояльном властям ключе. Следует отметить, что сведения о контактах Юрия Цебрикова с НКВД и Коминтерном, изложенные в дневниковых записях 1970-х годов, прямого документально-го подтверждения, помимо его упоминания в ведомости о получении бриллиантов, не находят.

Однако, несмотря на то что дневник Поливанова написан для семейного пользования и не предназначен для публикации, общее соответствие приведенных им сведений канве исследуемых событий, совпадающей с данными рукописи, позволяет отнести к этому документу как к достоверному источнику. Тем более с учетом того обстоятельства, что факт деятельного участия Цебрикова в «мексиканской авантюре» в качестве посвященного в ее замысел, а не просто невольной жертвы интриги большевиков, сомнений, как представляется, уже не вызывает.

ЗАЧЕМ НАПИСАНА РУКОПИСЬ?

Зачем же Г.В.Цебриков вообще написал в конце 1924 г. рассматриваемый нами документ, который практически сразу оказался в Пражском архиве, а с 1946 г. — в СССР, и, судя по открытым источникам, нигде не публиковался до конца 1990-х годов? Первоначальная версия, основанная на характере изложения и сведениях, содержащихся в рукописи, — чтобы разоблачить тайный план большевиков по распространению деятельности Коминтерна на Америку. Однако в силу изложенных выше причин эта версия, на наш взгляд, не вполне соответствует действительности.

В диалогах, которыми изобилует «консульское донесение», автор отводит Грузенбергу роль рассказчика, излагающего детальный план налаживания связей с Мексикой, придуманный Караханом. Вильярдо же предстает честным и благородным мексиканцем, попытавшимся сопротивляться, но в итоге якобы проигравшим. После истории с бриллиантами для мировой революции Вильярдо приглашен на работу в мексиканские консульства — в Женеве и Барселоне, потом — в посольство в Мадриде, а до Мексики добирается только в 1921 г. (к рукописи приложена заметка из газеты

* Служба дипкурьеров в НКВД была официально организована под названием Стол дипкурьеров только 27 августа 1918 г., а до этого момента обязанности по доставке диппочты выполняли, как считается, сотрудники наркомата. С начала 1918 г. НКВД направлял дипломатических курьеров в Берлин два раза в неделю, в Швейцарию и Скандинавию — два раза в неделю, в Англию — каждые 10-15 дней.

El Universal о его прибытии пароходом в Веракрус), будучи, по его словам, «вызван в МИД» страны [38].

Вильярдо параллельно обучается в университете Мехико, но в 1923 г. увольняется из внешнеполитического ведомства, где возобладали сторонники развития отношений с СССР, и уезжает в глубинку, будучи избран «секретарем муниципалитета в Гуэйпан» (так в рукописи) в штате Пуэбла. Речь идет о муниципалитете Уэйяпан, расположенном у подножья вулкана Попокатепетль в 75 км от Мехико. Надо отдать должное автору документа: он весьма умело сочетает свои творческие способности и знание реальной ситуации, создавая себе эшелонированное прикрытие такой необычной «ссылкой» Вильярдо, явно чтобы исключить всякую возможность дальнейшего появления мексиканца в пределах европейской видимости.

Сам же Георгий Владимирович в начале 1923 г. (самое позднее) переезжает в Бельгию, где уже проживает его семья*. Прибывает он туда через Париж по паспорту мексиканского дипломата Хорхе де Вильярдо. Однако ни о какой последующей дипломатической активности, помимо регулярного продления документов в мексиканском консульстве в Париже, упоминаний найти не удалось. Ни французская, ни бельгийская бюрократия не придали этому никакого значения.

Цебриков же поступает в университет Лёвена. Он изначально и весьма активно позиционирует себя как антибольшевик, принимает участие в мероприятиях белогвардейского Русского национального союза в 1924 г. как представитель эмигрантской молодежи Бельгии [39, pp. 8-9]. Одновременно развивается и его литературно-публицистическая карьера: Цебриков заводит дружбу с князем Дмитрием Алексеевичем Шаховским и принимает участие в создании литературного журнала «Благонамеренный», публикует несколько рассказов на религиозные и житейские темы, а также статей в различных изданиях, например, в «Вестнике РСХД» и журнале «Путь». Знакомится с Н.А.Бердяевым и другими духовными и культурными лидерами русской эмиграции. Однако в 1925 г. (по другим данным — в 1926 г.) Цебриков становится диаконом, а затем — и православным священником в Бельгии. В дальнейшем он переходит в католическую веру [12, pp. 205-206].

В своем литературном творчестве Цебриков практически не возвращается к теме Мексики. Только в рассказе «Вор» («Возрождение» 18 декабря 1926 г.) описывает пережитый по пути в Мехико океанский шторм. А Шаховской в переписке с Буниным в 1925 г. упоминает, что Цебриков направил в журнал «Воля России» рассказ «Три года в стране ацтеков» [40, p. 171], однако в оцифрованном архиве этого издания за 1923—1925 гг. такого произведения нет; возможно, оно не было опубликовано.

И все же на фоне вполне успешно складывавшейся жизни в Брюсселе Цебриков в ноябре-декабре 1924 г. вдруг возвращается к мексиканской истории в необычном жанре, существенно расширяя свой упомянутый выше отчет 1920 г. о «бриллиантовых чемоданах», адресованный Ортису, выду-

* В справочнике «Консульские и дипломатические отношения Мексики и Испании в 20 веке» упомянут «Хорхе Вильярдо, миссия в европейские страны для изучения вопросов экономической и социальной политики (1923)» [0, p.50].

манной предыстории появления Вильярдо, рассказом о первой поездке с Грузенбергом и дальнейшей судьбе «мексиканца», затерявшегося в окрестностях Попокатепетля. Предположение, что Цебриков изначально имел в виду обнародовать «Историю мексиканской авантюры» вряд ли стоит серьезно рассматривать. Документ сразу был передан в архив, следов публикации в те годы — и даже иных схожих упоминаний об описанных событиях — найти не удалось.

Обращает на себя внимание само изложение весьма сложной темы: оно носит продуманный, структурированный характер, включая необходимые для придания достоверности «бюрократические» детали, например, приведенные на отдельном листе сведения о «документации по делу» (л. 41). Правда, за исключением источников по эпизодам с бриллиантами и вскрытием сейфа с царскими деньгами в Женеве, которые Цебриков указывает так, чтобы их можно было найти, остальные отсылки — к материалам Госдепартамента США и МИД Мексики — носят неконкретный характер.

Текст писался уже не в Мексике, чем, на наш взгляд, объясняется ошибка в фамилии советского посла — «Полянский» вместо «Пестковский», в то время как дипломат на месте вряд ли допустил бы такое искажение. При этом уже упоминавшаяся объемная приписка после подписи «Ю.В.Ц.» выполнена на пятой части листа формата А4 очень убористым почерком, в отличие от предваряющего ее текста и последующего перечня документов (лл. 39-40). Можно допустить, что приписка была сделана в последний момент для придания документу большей достоверности.

Рукопись была сдана в архив в тот момент, когда СССР и Мексика официально обменялись главами дипломатических представительств, и появление в печати такого материала могло бы иметь негативные последствия как для международной политики СССР, так и для самого автора «Мексиканской авантюры». Из упомянутых в ней царских дипломатов С.А.Угет еще здравствовал и находился в США, как и Б.А.Бахметев. Л.Ортис Либих с 1927 г. работал в Лондоне [10, р. 565], А.Крум-Геллер — в Германии [41], так что возможности для основательной проверки подлинности изложенного, как и установления личности Вильярдо, сохранялись.

Однако Цебриков передает свой «разоблачительный» рассказ в Пражский архив, пусть и с условием не публиковать рукопись до 1949 г. (хотя в тексте сам же устанавливает срок до 1980 г.), т.е. предпочитает негласно сохранить документ для истории. В этой связи представляется, что наиболее реалистичной причиной создания рукописи представляется намерение Цебрикова защитить себя. Причем не от якобы обещанной Караханом мести большевистских агентов, поскольку в случае реальной охоты советских спецслужб за ним даже угроза разоблачения нескольких уже состоявшихся успешных операций не помогла бы Цебрикову сохранить жизнь. Более вероятно, что защитная цель рукописи была в другом — надежно скрыть какую-либо связь Цебрикова с Коминтерном. Его дальнейшая жизнь в Европе не оставила никаких документальных следов для предположения, что после мексиканской операции такое сотрудничество на какое-то время

продолжилось, хотя это было бы вполне в духе подходов Коминтерна к нелегальной заграничной работе.

Резонно предположить, что у разведки Коминтерна были причины для специфического интереса к Цебрикову. Его изначально привлекли к специальному мероприятию государственного уровня, в котором использование случайного человека «в темную», без посвящения в тайный замысел, было крайне опасно для организаторов и чревато не только миллионными потерями, но и огромными репутационными рисками для молодого Советского государства.

Значит, с одной стороны, доверяли, причем настолько, что разрешили выехать из России с семьей, будучи уверенными в том, что он сохранит факт сотрудничества в тайне. Ведь и сам человек уже проверен в деле, и позиции для его дальнейшей нелегальной работы были созданы в 1919 г. весьма удачные: Цебриков был официально признан мексиканцем, что позволило ему работать в дипломатических учреждениях в Швейцарии, Испании и Мексике, к которым Москва в начале 1920-х годов проявляла немалый интерес.

С другой стороны, его вовлеченность в тайную операцию большевиков могла при желании использоваться ими и как вполне понятная основа для шантажа угрозой выдачи белоэмигрантам. Возвращение Цебрикова в Европу через Бельгию вряд ли прошло бы незамеченным для советских агентов в эмигрантской среде, поскольку сам он в силу своего характера постоянно стремился быть на виду, что прослеживается по публикациям в европейской периодике 1920-х годов, включая эмигрантские издания.

Цебриков, кстати, поначалу не стеснялся использовать в Бельгии свой мексиканский псевдоним, тем более что по документам для бельгийских властей он являлся мексиканцем Хорхе де Вильярдо. Так, Д.А.Шаховской в письме К.В.Мочульскому 24 июня 1924 г. сообщает, что члены клуба русских литераторов «Единорог», среди которых «Цебриков-Вилардо», «выступит перед русским Брюсселем с вечером посв. памяти Пушкина» [39, pp. 235, 237].

Однако именно с 1925 г., после того, как рукопись была сдана в РЗИА, Георгий Владимирович стал называть себя в эмигрантских кругах исключительно русским именем, официально восстановив мексиканское только в конце 1940-х годов уже в Испании, гражданство которой получил в 1960 г. как апатрид *Don Jorge Tzebrikov de Villardo* [42, p. 4345].

Тогда логично предположить, что как раз в конце 1924 г. Цебриков в Брюсселе под воздействием неких факторов, например, чьего-то настоятельного совета, создает выдуманную историю «мексиканца Вильярдо», выставив его жертвой Коминтерна, затерявшейся в Мексике, а себя скрывает за своими подлинными инициалами «Ю.В.Ц.» как «царского консула», якобы записавшего всю эту авантюрную историю со слов ее «непосредственного участника». В случае возможного разоблачения факта сотрудничества Вильярдо с Коминтерном, от кого бы оно ни исходило, эта рукопись, подкрепленная приложенными документами, могла сыграть роль индульгенции для Цебрикова, поскольку он непродолжительное время мог исполнять консульские функции в Мехико. Но это, разуме-

ется, пока только предположение. Возможно, реальный ответ на этот вопрос все еще таится в архивах.

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать однозначный вывод о том, что рукопись «Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 г.» написана Георгием Владимировичем Цебриковым, описавшим в ней свое участие как «мексиканца Вильярдо» в реальных событиях 1919 г. За исключением литературного приема подмены главного героя и, вероятно, творчески обработанных диалогов, большинство приведенных в ней фактов достоверны и представляют определенную ценность для изучения раннего этапа советско-мексиканских отношений — теперь с учетом личности автора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? *Americana*. Вып. 2: *Материалы Международной научной конференции “Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия”*. Волгоград, 24—26 сентября 1997 г. Волгоград, Издательство Волгоградского государственного университета, 1998, 428 с. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Mihail Borodin v Novom Svete: diplomat ili missioner Komintern-a? *Americana*. Вып. 2: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Rossija i strany Ameriki: opyt istoricheskogo vzaimodejstviya”*. Volgograd, 24—26 sentjabrja 1997 goda. [Mikhail Borodin in the New World: a diplomat or a missionary of the Comintern?]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998, 428 p. (In Russ).

2. Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 году. Доклад царского консула. Подготовка к публикации, предисловие, комментарии: В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. *Источник*. М., 1999, № 4, сс. 63-79. [Meksikanskaja avantjura Sovetskogo pravitel'stva v 1919 godu. Doklad carskogo konsula. Podgotovka k publikacii, predislovie, kommentarii V.L.Jeifets, L.S.Jeifets [The Mexican adventure of the Soviet government in 1919. The report of the Tsarist Consul.]. *Istochnik*. Moscow, 1999, N 4, pp. 63-79. (In Russ).

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5881, оп.1, д.170, лл.1-44. [The State Archive of the Russian Federation (GARF). F.5881, inv. 1, fold.170, ff.1-44.] (In Russ).

4. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Москва-Мехико, 1919. Еще раз о мексиканской миссии М.М.Бородина. *Латинская Америка*. М., 2000, № 8, сс. 72-86; № 9, сс. 24-43. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Moskva-Mekhiko, 1919. Eshhe raz o meksikanskoj missii M.M.Borodina [Moscow-Mexico City, 1919. Once again about the Mexican mission of M.M.Borodin]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2000, N 8, pp.72-86; N 9, pp.24-43. (In Russ).

5. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мехико-Москва, 1919-1920 годы. К истории создания коммунистической партии в Мексике. *Латинская Америка*. М., 2001, № 3, сс. 50-64; № 5, сс. 40-57. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Mekhiko-Moskva, 1919-1920 gody. K istorii sozdaniya kommunisticheskoy partii v Meksike [Mexico City-Moscow, 1919-1920. On the history of the creation of the Communist Party in Mexico]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2001, N 3, pp.50-64; N 5, pp. 40-57 (In Russ).

6. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Миссия Михаила Бородина в Западном полушарии в 1919-1920 гг. и формирование Коммунистической партии Испании. Электронный научно-образовательный журнал *История*. 2011, № 8 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Missija Mihaila Borodina v Zapadnom polusharii v 1919-1920 gg. i formirovanie Kommunisticheskoy partii Ispanii] [Mikhail Borodin's mission in the Western Hemisphere in 1919-1920 and the formation of the Communist Party of Spain]. *Istorija*. 2011, N 8. Available at: <https://history.jes.su/s207987840000271-7-1/?ysclid=lyo47kwt5s321271321> (accessed 12.05.2024) (In Russ.).

7. Draper T. The Roots of American Communism. The Viking Press, N-Y, 1957, 534 p.

8. Spenser D., Ortiz Peralta R. La Internacional comunista en México: los primeros tropiezos: documentos, 1919-1922. México, Inst. nac. de estudios hist. de las revoluciones de México, 2006, 417 p.

9. Spenser D. The Impossible Triangle: Mexico, Soviet Russia, and the United States in the 1920s. Durham, Duke University Press, 1999, 254 p.

10. Crespo H., Jeifets V., Reynoso I. Formación del comunismo mexicano, 1919-1921. Documentos para la Historia del Comunismo en México. Mexico, Universidad Autonoma del Estado de Morelos, 2022, 634 p.

11. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 г., М., Городская типография, 1917, 1660 с. [Vsya Moskva. Adresnaya i spravochnaya kniga na 1917 god [The whole of Moscow. Address and reference book for 1917]. Moscow, Gorodskaya tioigrafiya, 1917, 1660 p. (In Russ.).

12. Русское православие в Бельгии. В 2 т. Т. 2. Документы, воспоминания и переписка. Москва-Брюссель, Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Екатеринбургский мужской монастырь, 2013, 237 с. [Russkoe pravoslavie v Bel'gii. V 2 t. T. 2. Dokumenty, vospominaniya i perepiska [Russian Orthodoxy in Belgium. In 2, V. 2. Documents, memoirs and correspondence]. Moskva-Brjussel': Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Ekaterininskij muzhskoj monastyr', 2013, 237 p. (In Russ.).

13. Русская дипломатия в эмиграции. Вызов Октябрю 1917 г. [Russkaja diplomatija v jemigracii. Vyzov Oktjabrju 1917 g. [Russian diplomacy in exile. A challenge to October 1917]. Available at: <https://russiancouncil.ru/russian-diplomacy-1917> (accessed 15.05.2024) (In Russ.).

14. Сборник документов Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., Международные отношения, 1981, 114 с. [Sbornik dokumentov Sovetsko-meksikanskie otnoshenija (1917-1980) [Collection of documents on Soviet-Mexican relations (1917-1980)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1981, 114 p. (In Russ.).

15. Документы внешней политики СССР. Т. VI, М., Государственное издательство политической литературы, 1962, 671 с. [Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. VI [Documents of the USSR's foreign policy]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962, 671 p. (In Russ.).

16. Дик Е.Н. Русская эмиграция в Мексику. [Dik E.N. Russkaja jemigracija v Meksiku [Russian emigration to Mexico] Available at: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/mx/mr/1/ (accessed 15.05.2024) (In Russ.).

17. *El Demócrata*. 31.10.1924.

18. Сизоненко А.И. В стране ацтекского орла. Первые советские полпреды в Мексике. Москва, Международные отношения, 1969, 95 с. [Sizonenko A.I. V strane actekskogo oral. Pervye sovetskie polpredy v Meksike [In the country of the Aztec Eagle. The first Soviet plenipotentiaries in Mexico]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1969, 95 p. (In Russ.).

19. Входной журнал за 1924 год. ГАРФ. Ф. р-7030, оп.1, д. 145, лл.27-28 [The entrance book for 1924. GARF. F. p-7030, inv. 1, fold.145, ff.27-28] (In Russ.).

20. Семейный архив автора. [Author's family archive] (In Russ.).

21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.2227, оп.1 ед. хр.190. [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 2227, inv. 1, fold.190] (In Russ.).

22. РГАЛИ. Ф.1496, оп.1, ед. хр.339. [RGALI. F. 1496, inv.1, fold.339] (In Russ.).

23. Политические партии России: конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996, 872 с. [Politicheskie partii Rossii: konec XIX - pervaja tret' XX veka. Jenciklopedija [Political parties of Russia: the end of the XIX - the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPJeN, 1996, 872 p. (In Russ.).

24. Грейг О. Тайна за 107 печатями, или наша разведка против масонов. [Greig O. Tajna za 107 pechatjami, ili nasha razvedka protiv masonov [Greig O. The Secret behind 107 Seals, or our intelligence against the Masons]. Available at: http://www.razlib.ru/istorija/tajna_z_107_pechatjami_ili_nasha_razvedka_protiv_masonov/p8.php (accessed 19.05.2024) (In Russ.).

25. Фонд Komintern, база оцифрованных документов. [Fond Komintern, baza ocifrovannyh dokumentov [Komintern Foundation, a database of digitized documents]. Available at: <http://komintern.dlibrary.org/ru/nodes/29353-delo-4565-lichnoe-delo-levin-ilya-davidovich> (accessed 19.05.2024) (In Russ).

26. История Библиотеки иностранной литературы в лицах. [Istorija Biblioteki inostrannoj literatury v licah [The history of the Library of Foreign Literature in persons]. Available at: <https://inostranka100.tilda.ws/staff-biofoto-1> (accessed 20.05.2024) (In Russ).

27. Три соблазна Льва Карахана: Клавдия, Вера, Марина. *Ноев ковчег*. [Tri soblazna L'va Karahana: Klavdija, Vera, Marina [The three temptations of Lev Karakhan: Claudia, Vera, Marina]. Available at: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2013-04/3716.html#ixzz4LdcaX8VG> (accessed 20.05.2024) (In Russ).

28. Revelations from the Russian archives. Washington, Library of Congress, 1997, 808 p.

29. Boghardt T. The Zimmermann telegram: intelligence, diplomacy, and America's entry into World War I. Annapolis, Naval Institute Press, 2012, 352 p.

30. Arriola Woog E. (ed.). Sobre Rusos y Rusia, antologia documental. Mexico, Lotería Nacional para la Asistencia Pública, 1994, 604 p.

31. Михаилo (Урошевић) епископ Шабачки и његов црквено патриотски рад у српском подврђу у Москви. Available at: <https://www.srpska.ru/article.php?nid=6328> (accessed 20.05.2024).

32. Драбкин Я.С. (ред.). Коминтерн и идея мировой революции. М., Наука, 1998, 948 с. [Drabkin Ja.C. (red.). Komintern i ideja mirovoj revoljucii [The Comintern and the idea of a world revolution]. Moscow, Nauka, 1998, 948 p. (In Russ).

33. Трехсотлетие царствования дома Романовых. М., Изд. М.С.Гугеля, 1913, 542 с. [Trehsetletie carstvovanija doma Romanovyh [The tercentenary of the reign of the House of Romanov]. Moscow, Izd. M.S.Gugel'ja, 1913, 542 p. (In Russ).

34. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1909 г., М., Городская типография, 1909, 1660 с. [Vsya Moskva. Adresnaya i spravochnaya kniga na 1909 god [The whole of Moscow. Address and reference book for 1909]. Moscow, Gorodskaya tioigrafiya, 1909, 1660 p. (In Russ.).

35. Павловская геологическая школа, ред. Калабин Г.В., Соловьев Ю.Я., М., Наука, 2004 г., 211 с. [Pavlovskaja geologicheskaja shkola, red. Kalabin G.V., Solov'ev Ju.Ja. [Pavlovskaya Geological School, ed. Kalabin G.V., Solovyov Y.Ya.]. Moscow, Nauka, 2004, 211 p. (In Russ).

36. Захаров-Мэнский Н. Как поэты вышли на улицу (Отрывки из дневника и воспоминаний о быте московских поэтов в кофейный период русской литературы). Часть I (1917—1918 гг.). [Zaharov-Mjenskij N. Kak poety vyshli na ulicu (Otryvki iz dnevnika i vospominanij o byte moskovskih poetov v kofejnyj period russkoj literatury). Chast' I (1917—1918 gg.). [How the poets went out on the street (Excerpts from the diary and memoirs of the life of Moscow poets in the trophy period of Russian literature). Part I (1917—1918).]. Available at: http://az.lib.ru/z/zaharowmenskij_n_n/text_1926_kak_poety_vyshli_na_ulitzu.shtml?ysclid=lv3z8z28te545620306 (accessed 20.05.2024) (In Russ).

37. РГАЛИ. Ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 38 [RGALI. F. 1152, inv.1, fold.38] (In Russ).

38. Andrade Jasso E., Castillo Reyes P. Relaciones Consulares y Diplomáticas México-España: Siglo XX. México, 1989, 416 p.

39. Вестник Русского Национального Комитета. № 10, 1 декабря 1924 г. Rapid Imprimerie, Paris, 160 с. [Vjestnik Russkago Nacional'nago Komiteta. N 10, 1 dekabnja 1924 [Bulletin of the Russian National Committee]. Rapid Imprimerie]. Paris, 160 p. (In Russ).

40. Шаховской И. Биография юности. Установление единства. Париж, YMCA-PRESS, 1977, 418 с. [Shahovskoj I. Biografija junosti. Ustanovlenie edinstva [Biography of his youth. Establishing unity]. Paris, YMCA-PRESS, 1977, 418 p. (In Russ).

41. The Invisible Basilica of Sabazius. Available at: <https://sabazius.oto-usa.org/dr-arnoldokrumm-heller/> (accessed 21.05.2024).

42. Boletín Oficial de Estado, N 68, 21.03.1961.

Andrey V. Varlamov (varlan01@gmail.com)

Deputy Head of the Press and Information Office of the President of the Russian Federation

About the authorship of the manuscript "The History of the Mexican adventure of the Soviet government in 1919"

Abstract. The purpose of the work is to establish the authorship of the manuscript "The History of the Mexican adventure of the Soviet government in 1919", stored in the State Archive of the Russian Federation (SARF). It is considered a very important historical source containing essential details of the preparation and implementation of the so-called "Mikhail Borodin's mission" aimed at establishing diplomatic relations between Soviet Russia and Mexico and creating a foothold for the Comintern in America.

Since its introduction into scientific circulation in the late 1990s, this document was attributed by default to the tsarist consul in Mexico City, V.B. Wendhausen-Rosenberg, who recorded the whole story from the words of Mexican Jorge de Villardo, who arrived from Russia, while the exact dating of the manuscript was not carried out. The conducted research, including handwriting expertise, made it possible to unequivocally establish that the author of the manuscript is Georgy Vladimirovich Tsebrikov, who participated in this operation under the name Jorge de Villardo. The document was also dated more precisely based on a comparison of the information contained in it with data on admission to the Russian Foreign Historical Archive in Prague. As a result, it became possible to limit the completion dates of the manuscript to the period between November 19 and December 4, 1924. This makes it possible to assess in a new way both the reliability of the information contained in the manuscript and its place in a number of sources on the history of Russian-Mexican relations.

Key words: Russia, Mexico, Soviet-Mexican relations, diplomacy, Comintern, Borodin's mission.

DOI: 10.31857/S0044748X24120032

Received 14.05.2024.